

Краски Кабуки

СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
г. Москва

120 ЮНН 1987

Гастроли Кабуки, традиционного японского театра, прошли с огромным успехом. Из вечера в вечер зрители завороженно смотрели на сцену, хотя происходившее там мало соответствовало как нашему театральному опыту, так и тем проблемам, которые нас сегодня волнуют. Три одноактные пьесы, показанные гостями, говорили о чрезвычайно далеком, в них жили иное время, иная изощренно наивная концепция зрелища, свободно и странно соотносящего элементы драмы и эпоса.

Что же держало наше внимание? Любопытство к незнакомому на то, к чему мы привыкли? Магия театральной экзотики? И это тоже, конечно. Но воздействие искусства театра Кабуки на современного зрителя гораздо серьезнее и глубже. И прежде всего потому, что это воздействие красоты, гармонии, великолепия, подчиненного стражайшей эстетической дисциплине.

Спектакли Кабуки объединяют многое: музыкальное сопровождение, танец, рассказчиков и певцов, выведенных за пределы действия, комментирующих его или сообщающих подробности сюжета. Огромное место в них отведено художнику: декорации, грим, костюмы — все это становится царством красок и изысканных линий. Театр Кабуки чрезвычайно условен. Не только сцена, но и сам человек на ней подчинены целой системе привычных зрителю правил. Спектакль логон говорящих знаков.

Как пробиться сквозь эту техническую заданность индивидуальному в актере, как проступить человеческому содержанию там, где так много места отдано преобразению реального человека в человека, играющего по особым законам?

И тем не менее театр Кабуки — прежде всего именно актерский театр. И его рассказ — это рассказ о реалиях человеческой души, которая так свободно и зримо просвечивает сквозь лицедействующую плоть. Условная техника не убивает актеров: она не прячет, а, напротив, делает особо видимой их неповторимость, их художническую особенность. Потому так притягательно искусство Кабуки, что человек в нем — носитель и информации, и красоты.

Каждая из трех показанных пьес — маленький шедевр, занимающий наше зрение и слух, проникающий в наше сознание и душу. И какие они разные, эти сценические миниатюры! В «Кандзингэ» преобладает суровое напряжение политического конфликта, эпизод на пограничной заставе позволяет театру нарисовать динамичную картину противостояния силы и хитрости, находящего неожиданное разрешение в благородстве одного и комическом торжестве другого. И хотя образ изворотливого Бэнкэя актер Накамура Томидзюро создает в рамках традиционной актерской техники, перед нами возникает вполне реальный человек с

его столь же реальными свойствами.

В пьесе «Кэйсэй Хангонко», играя обойденного судьбой ученика художника, несчастного зайку, тот же Томидзюро демонстрирует мастерство подлинного перевоплощения (если для Кабуки применимы термины нашего театра).

Прозрачность традиционного «шифра» актерской игры с особенной силой дает себя знать в «Сумидагаве», пьесе, рассказывающей о том, как женщина (в Кабуки женщины по традиции играют мужчины) искала похищенного сына, но нашла лишь его могилу. В роли матери — знаменитый Накамура Утаэмон. Его текст — несколько слов. Вся роль — напряженный пластический монолог огромной выразительной силы.

Общечеловеческое, сближающее искусства разных народов и разных времен, в полной мере присуще театру Кабуки. Потому так значителен след, оставленный этим театром в режиссерском и актерском искусстве нашего времени. И сегодня, в очередной раз встретившись с японской сценической традицией, невольно узнаешь в спектаклях Кабуки те приемы и те черты, что стали органической частью современного театрального мышления. И понимаешь, что сохранение национальных художественных сокровищ — как и сохранение окружающей среды — долг каждого народа перед всеми остальными.

Р. КРЕЧЕТОВА.